

рождения Л. Раковского // Нева. 1971. № 1; Андреев Ю. Об исторической прозе Леонтия Раковского // Раковский Л. И. Избранное: в 2 т. М., 1983; Алексеев М. Слово о подвиге // Раковский Л. Кутузов: роман. М., 1987.

В. Ю. Выюгин

РАСПУТИН Валентин Григорьевич [15.3. 1937, пос. Усть-Уда Усть-Удинского р-на Иркутской обл.] — прозаик.

«Родился я в трехстах километрах от Иркутска,— рассказывает писатель,— в Усть-Уде, что на Ангаре. Так что я — коренной сибиряк, или, как у нас говорят, тутошний. Отец мой крестьянствовал, работал в леспромхозе, служил и воевал... Словом, был как все. Мать работала, была домохозяйкой, едва-едва управлялась с делами и семьей, — ей забот, сколько помню, всегда хватало» (Вопр. лит-ры. 1976. № 9). Детство Р. прошло в низовьях Ангары, в небольшой д. Аталанке, которая впоследствии была перенесена на берег Братского моря. С 1944 по 1948 учился в Аталанской начальной школе, с 1948 по 1954 в Усть-Удинской средней школе. В 1954 поступил на историко-филол. ф-т Иркутского ун-та. В 1955 познакомился с А. Вампиловым, будущим драматургом, с которым его связали близкие дружеские и творческие отношения.

30 марта 1957 в газ. «Советская молодежь» появилась первая публикация Р. — «**Скучать совсем некогда**». Несмотря на то что Р., по его собственному признанию, не думал о лит. творчестве, а готовился стать учителем, он с увлечением занимался журналистской работой. В иркутской газ. «Советская молодежь» печатает статьи, заметки о студенческой жизни, о пионерах, о школе, работе милиции, использует в то время псевдоним Р. Валентинов, позже — В. Каирский, но чаще публикует работы под своим именем. После окончания ун-та (1959) оставлен на работе в газ. В 1961 в альм. «Ангара» (№ 1) появляется в печати первый рассказ Р. «**Я забыл спросить у Лешки...**». Это была романтическая история о дружбе и смерти, герой которой размышлял о ценности отдельной человеческой жизни и великих идеалах коммунизма. С 1961 по 1966 работает редактором лит.-драматических передач Иркутской студии телевидения, литсотрудником газ. «Красноярский рабочий», спецкором газ. «Красноярский комсомолец», пишет рассказы и очерки о молодых участниках великих строек Сибири.

В 1965 принимает участие в Читинском

зональном семинаре начинающих писателей; здесь произошла встреча с В. Чивилихиным, которого писатель считает своим «крестным отцом в литературе». В. Чивилихин отметил талант Р. и даже передал по телефону в «Комсомольскую правду» его рассказ «**Ветер ищет тебя**». В 1966 в Красноярске вышла книга очерков «**Костровые новых городов**», а в Иркутске — книга очерков и рассказов «**Край возле самого неба**». Очерки Р. проникнуты романтической героикой, свойственной этому жанру в 1960-е. В них своеобразным образом переплетались мотивы трагизма и героики, будничной реальности и лирики, переживания отдельной личности и образ народа-строителя. Они излишне фактографичны, в них немало цифр, документов, броских сопоставлений. Однако среди этого материала вызрела дорогая для Р. идея о присутствии душ погибших среди живущих. Она незаметно контрастировала с пафосом «покорения природы», который навсегда ушел из творчества Р. после 1960-х. Наиболее интересными были рассказы Р. из сб. «Край возле самого неба». В рассказах о жителях Саян — тофаларах впервые в творчестве Р. появились образы старых мудрых женщин, умеющих жить в гармонии с совестью и окружающей жизнью («**Продолжение песни следует**», «**Эх, старуха**»). Впервые Р. обращался к мифу, фольклору, используя поверья, заклинания, воссоздавая разговоры живых с умершими.

В 1967 опубликован рассказ «**Василий и Василиса**», посвященный трагедии отчуждения двух любящих людей. Эта история была воссоздана с удивительным тактом и осторожностью, психологической тонкостью и достоверностью. Сквозь грустную историю разрушения семьи прослеживала в отдельных деталях история послевоенной жизни русской деревни. После увлечения западной лит-рой (Хемингуэй, Ремарк) Р. обращается к русской классике — к творчеству Достоевского, Л. Толстого, Бунина. Среди классиков советской лит-ры Р. выделяет творчество М. Шолохова, А. Платонова, Л. Леонова.

В 1967 Р. принят в СП СССР. В том же году в альм. «Ангара» (№ 4) опубликована повесть «**Деньги для Марии**», которую сам Р. считает началом самостоятельной творческой работы. В 1968 она появилась отд. изд. с послесл. Ф. Кузнецова «Писатель родился». Сюжет повести достаточно прост: у продащицы деревенского магазина обнаружена недостача, и ее муж Кузьма пытается собрать эту сумму, чтобы спасти от тюрьмы жену — мать четверых детей. Если сама Мария

В. Г. Распутин

замыкается в своем горе, то Кузьму беда гонит по людям и дорогам, ввергая в состояние безысходности и отчаяния. Главное содержание повести составляют встречи Кузьмы с разными людьми, размышления его о жизни, сны, перемешанные с явью. Сквозь реалистически суровое и строгое описание этих событий проступают в повествовании черты притчи, рассказывающей о том, как нарушились в деревне исконные традиции коллективного бытия, как очерствел человек, не желающий поставить себя на место попавшего в беду. Главным средством раскрытия характера героя, начиная с этой повести, стал у Р. внутренний монолог, который нередко переходит в несобственно-прямую речь автора. Внутреннюю композицию повести определяет чередование двух временных планов — прошлого и настоящего, сопоставлением которых определяется характер опасного этического сдвига в народной среде. Особую поэтическую глубину придают повестям Р. картины природного мира, а также элементы недосказанности, иррациональности, тайны, народно-поэтической мифологии.

В 1970 в ж. «Наш современник» (№ 7, 8) появилась повесть Р. «**Последний срок**», которая принесла широкую известность автору. Рассказ о последних днях умирающей старухи Анны, к которой съехались ее взрослые дети, воссозданный в реалистической конкрет-

ности и точности, перерастает в философско-поэтическое размышление о смерти простой женщины, исполнившей свой материнский и трудовой путь с жертвенной добротой и ощущением красоты. Критика эту повесть Р. называла «поэмой о смерти крестьянки». Проблема смерти в советской лит-ре находилась под негласным запретом, следовало писать лишь о смерти героической, вдохновляющей на подвиг, борьбу, самопожертвование. У Р. иной ракурс. Рассказывая о том тайном и зыбком переходе человеческой души в мир иной, писатель не только показывает исход жизни, ее результат, но и ожидающий ее впереди момент соединения с предками, многовековой традицией, бесконечной цепи вечной жизни. «Ей есть к кому уходить и есть от кого уходить», — писал Р. о старухе Анне. Однако ее дети уже не ощущают этой кровной и духовной привязанности ни друг к другу, ни к родному дому, ни к вечной народной жизни. Они не обладают той цельностью, душевной гармонией, памятью, которые обеспечивают высокое достоинство их матери.

Повесть «**Последний срок**» долгие годы находилась в центре споров о «деревенской прозе», выдерживая упреки социологизированной критики в «идеализации патриархальщины», в противопоставлении города деревне. Однако позиция Р. начиная с 1970-х не укладывалась в рамки только социального анализа. Обладая широтой этической и философской проблематики, высокой духовной наполненностью, Р. исследует жизнь сквозь понятие «крестьянского рода», анализируя тончайший механизм передачи наследственного кода, генетических особенностей духовной жизни от поколения к поколению до момента разрыва, утраты этой традиции. По его утверждению, «жизнь, не подтвержденная смыслом души, есть существование случайное». В этом процессе Р. интересуют экзистенциальные состояния человека, когда он находится в кризисных, «пограничных» ситуациях перед лицом смерти или любой другой катастрофы, грозящей ему физической или духовной гибелью. Пристально вглядываясь в человека на пороге вечности, Р. прежде всего обращает внимание на свободу и ответственность, с которой тот завершает свои земные дела. Истоки этой свободы в интуитивном осознании, чувственном ощущении смысла своего прихода в жизнь, «духовного местонахождения» на карте человечества. Рассказ Р. об этих событиях отличает врожденное художническое чувство такта, своя мера допустимого и возможного в описании человеческой жизни.

В 1972 появляется в печати почти не замеченная критикой очерковая повесть **«Вниз и вверх по течению»**, герой которой — писатель Виктор — совершал паломничество из города к местам своего деревенского детства. В. Астафьев писал о ней: «Завершив очень важный начальный этап в работе, он как бы отошел чуть в сторону, чтобы взглянуть на ту дорогу, какую он сам себе торил, да и поразмыслить о дальнейшей своей судьбе, стало быть, и о судьбе родной земли» (Роман-газ. 1978. № 7). Повесть состоит из трех частей, взаимопереплетенных в повествовании. Одна в жанре путевого очерка рассказывает о нравах рабочих поселков, расположенных по берегам Ангары, другая посвящена лирическим воспоминаниям о детстве, о той поре, когда «жили бедно, но весело и дружно», об утраченной «малой родине», которая оказалась на дне Братского моря. В третьей части идет разговор о сложностях писательского ремесла, о неудовлетворенности начинающего художника, заглядывающего в бездны и тайны человеческой психики. Виктору снится свой персонаж, который осуждает его за попытку изобразить последние видения умирающего человека, ибо они непостижимы. В размышлениях героя повести находят отклик сомнения Р. в праве художника «переступить последнюю черту», чтобы услышать голос тех, кто уже ушел с этой земли и унес с собой частицу недоступной живущим истины.

В 1973 появляется в печати один из лучших рассказов Р. — **«Уроки французского»**, посвященный Анастасии Прокопьевне Копыловой, матери драматурга А. Вампилова. Сам писатель выделяет его среди своих произведений: «Там мне ничего не пришлось выдумывать. Все это происходило со мной. За прототипом ходить далеко не пришлось. Мне нужно было вернуть людям то добро, которое в свое время они сделали для меня» (15 встреч в Останкине. М., 1989. С. 221). Маленький герой рассказа — 11-летний мальчик — сталкивается с жестокой нуждой, испытывая тягостные муки голода. Находясь на грани отчаяния, он в одиночку борется за свое существование, не принимая милостыни и помощи от окружающих. Лишь молоденькой учительнице удалось обмануть его бдительность, проигрывая ему небольшие деньги в азартные и запрещенные в послевоенной школе игры. Учительница за этот «антипедагогический поступок» была с позором изгнана из школы, напомнив мальчику о последнем уроке доброты посылкой с яблоками, которых он никогда не видел. Суровый, буднич-

ный рассказ о голодной зиме дополняется совр. раздумьями автора-повествователя о чувстве вины перед теми, кто помогал ему в жизни, о муках совести, настигающей человеческую душу, о вечной неудовлетворенности собой, об утрате того духовного и нравственного богатства, которым владели в детстве.

В 1974 в ж. «Наш современник» (№ 10, 11) была напечатана повесть Р. **«Живи и помни»** — одно из лучших произведений русской послевоенной прозы. Задуманная писателем как повесть о женщине «в ее природном и нравственном целомудрии», она воспринималась критикой как произведение о войне, о дезертире, сбежавшем домой, чтобы «поглядеть» на родственников и жену. Критики даже сравнивали ее с повестями Ю. Гончарова «Дезертир» (1962) и Ч. Айтматова «Лицом к лицу» (1958). Но Р. не устал повторять: «Ради Настены и задумывалась эта вещь, и писалась. А для того, чтобы характер ее проявился в полную меру, пришлось искать какие-то особые обстоятельства, каковыми я посчитал историю с ее мужем. А это потребовало и в отношении к нему некоего судебного разбирательства перед приговором. Не хотелось его мазать одной лишь черной краской...» (15 встреч в Останкине. С. 217). Характер Настены Гуськовой максимально приближен к идеальному. Она «с самого начала мечтала отдавать больше, чем принимать,— на то она и женщина, чтобы смягчать и сглаживать совместную жизнь, на то и дана ей эта удивительная сила, которая тем удивительней, нежней и богаче, чем чаще ею пользуются»,— писал Р. Самоотверженная, чудесная и удивительно светлая женщина поставлена жизнью в ситуацию трагического выбора, ее душа не может примирить противоположные решения: как жить по совести, вместе со всем деревенским миром, сплоченным в горестях военной жизни, и как сохранить верность и преданность мужу, нарушившему закон братства и товарищества и бежавшему с поля боя. Преступление Андрея Гуськова отчуждает Настену от людей, лишает ее уверенности в настоящем, которое расходится на «отдельные, равные, чужие друг другу куски», и даже долгожданный ребенок обещает ей в будущем только позор. Не умея жить без единения с общей судьбой, в разорванном мире и в измученном сознании, чтобы сохранить свою душу, Настена уходит в воды Ангары. Повесть Р. отличают цельность и гармония, изощренный психологизм, стройность композиции, интонационное богатство, «вкрадчивая», по наблюде-

нию В. Астафьева, тональность, тонкая метафоричность, разнообразие фольклорных и христианских ассоциаций.

Повесть **«Прощание с Матёрой»** (1976) подводит своеобразный художнический итог размышлениям Р. о трагической судьбе деревни под колесами «научно-технической революции», осуществляемой варварскими, жестокими, антигуманными методами. Усиливается трагическое мироощущение писателя, которое приобретает апокалиптические черты. Если в «Последнем сроке» происходило прощание со старухой Анной, исполнившей свой долг и уходящей естественной смертью, в повести «Живи и помни» — с молодой прекрасной женщиной, не сумевшей вынести позора и мук совести, то в последнем произведении погибала под волнами искусственного моря Матера — русская патриархальная деревня. Время — власть обрekali на гибель не периферийные слои культуры и жизни, а ее обширные материи (не случайно деревня названа Матерой), еще живые и плодоносные. В повести нашла свое отражение философия, поэтика, мистика прощания с традиционным укладом жизни, «дедовскими святынями», нравственными и духовными заветами предков, которые Р. олицетворяет в образе величественной и крепкой духом старухи Дарьи. Остров Матера у Р. не просто отдельная деревня, а модель крестьянского мира, наполненного своими жителями, скотиной, зверьем, проживающим в уютном и родном ландшафте, в центре которого находится мощный лиственный, границы которого охраняет таинственный и мистический Хозяин. Здесь царят гармония и целесообразность, познание и труд, уважение к живым и почитание мертвых. Но прощание с этой жизнью совсем не элегично и благостно, оно прерывается скандалами, драками, ссорами коренных жителей и «пожогчиков», «разорителей», приехавших очищать перед затоплением территорию для будущей электростанции. На их стороне оказывается и внук Дарьи — Андрей. Молодое поколение, которое должно быть, по мысли Р., лучше, чем уходящее, не выполняет своей исторической роли. Поэтому писатель считает, что «цивилизация с какого-то необозначенного времени взяла неверный курс, соблазнившись механическими достижениями и оставив на десятом плане человеческое совершенствование». Р. вслед за Л. Леоновым ощущает дисбаланс между цивилизацией и культурой, техническим прогрессом и нравственным состоянием общества.

Повесть вызвала серьезную дискуссию в печати. Самые тяжелые в то время обвине-

ния касались «романтизации и идеализации патриархального мира». Оценивая этот мир с позиции социологического и политического знания, некоторые критики видели в этой общественной структуре лишь консервативные и отрицательные качества, забывая о том, о чем напоминал Р. В патриархальной жизни содержалось то зерно, которое имело свое будущее, играло положительную роль в развитии нации, что откristаллизовалось веками как весьма ценная национальная традиция, составляющая золотой, неприкосновенный фонд культуры, обогащающий сокровищницу мировой цивилизации. (Об этом впоследствии говорил В. Белов в книге «Лад».) А. Салынский оценивал проблематику повести как «тривиальную» (Вопр. лит.-ры. 1977. № 2), В. Оскоцкий отмечал желание Р. «из коллизии все-таки не трагедийной любовью ценной „выжать“ трагедию» (Вопр. лит.-ры. 1977. № 3), Е. Старикова заметила, что Р. «более жестко и менее гуманно, чем раньше, разделит мир своей повести на „своих и чужих“» (Лит.-ра и современность. М., 1978. Сб. 16. С. 230). Острота поднятых писателем вопросов вызвала на страницах «Лит. газ.» дискуссию «Деревенская проза. Большая и проселки» (1979. Сент.-дек.).

В конце 1970-х — начале 1980-х Р. обращается к публицистике («Поле Куликово», «Абстрактный голос», «Иркутск с нами» и др.) и рассказам. В ж. «Наш современник» (1982. № 7) напечатаны рассказы «Век живи — век люби», «Что передать вороне?», «Не могу-у...», «Наташа», открывающие новую страницу в творческой биографии Р. В отличие от ранних рассказов, в центре которых была судьба или отдельный эпизод биографии героя, новые отличаются исповедальностью, вниманием к тончайшим и таинственным движениям души, которая мечется в поиске гармонии с собой, миром, Вселенной. А. Адамович писал о них: «Новое, действительно новое здесь — подчеркнутое чувство реальности происходящего. Реальность страстно утверждаемой художником нашей человеческой неисчерпаемости... Человек в них — существо, себя самого удивляющее — глубинами, просторами, которые в нем сокрыты. И вдруг распаивается существо светоносное» (Лит. газ. 1982. 1 сент.). «Здесь новый уровень общения людей, — утверждал В. Крупин, — здесь душа с душой говорит» (Лит. Россия. 1983. № 1).

Философско-публицистическая повесть Р. «Пожар» (1985) сюжетно продолжает «Прощание с Матерой». Но герои живут в поселке после переселения из затопленной

подобно Матере деревни. И жизнь эта пока- тилась под гору, по варварским, хищниче- ским законам, проявляющимся в отношении к природе, месту своего обитания, друг к дру- гу. Вспыхнувший в поселке пожар — своеоб- разное наказание людям за грех беспамятст- ва, безверия, пьянства. «Перед глазами все смешалось, — писал Р., — пожар изнутри и по- жар настоящий, те и другие огни наплывали и кипели вместе». Главный герой повести — Иван Петрович, человек совестливый и работа- ющий, пытается противостоять напору хаоса местных «архаровцев». Но и он ощущает се- бя на грани истощения, на краю могилы, не может преодолеть внутренний душевный конфликт. Он понимает, что прямолинейное обличение людей, прямой призыв «жить по совести» не достигают цели. Ему, как замети- ла С. Семенова, не хватает творческого нача- ла в этой борьбе со злом, которое могло бы «захватить самих „зараженных“», ибо моральное излечение невозможно без актив- ности самого больного (Семенова С.— С. 163). Философский пафос произведений Р., свя- занный с идеей сохранности мира, природы и памяти, дополняется мотивом творчества, столь необходимым для поиска новых путей созидания. Критики отмечали в «Пожаре» черты «учительской прозы» Л. Толстого, про- являющиеся в ориентации на моральный суд и самосуд, на рационализацию сюжета, на прямолинейную проповедь добра, граж- данских и семейных ценностей. С этой тради- цией были связаны упреки писателю в излиш- ней публицистичности его творчества.

Долгое время Р. не обращается к худож. творчеству, работает как очеркист и публи- цист. В конце 1980 — начале 1990-х появля- ются его очерки о Сибири («Байкал», «Вниз по Лене-реке»), размышления о «Слове о полку Игореве» («Диалог с Д. С. Лихачевым»), о Сергии Радонеж- ском («Ближний свет издалека»), о рели- гиозном расколе в России («Смысл давне- го прошлого»), известное «Слово о патри- отизме», статьи о творчестве В. Шукшина и А. Вампилова и др. В середине 1990-х в ж. «Москва» и «Наш современник» опублико- ваны новые рассказы писателя («В ту же землю...», «Женский разговор», «По- соседски», «В больнице», «Изба», «Ви- дение» и др.). Любимые герои Р. — пожи- лые, совестливые люди — пытаются осмы- слить новую жестокую реальность, которая представляется им страшной и трагической. Сквозь элементы нецерковной мистики, про- свечивающей в этих произведениях, ощуща- ется стремление писателя к православию.

4 мая 2000 Р. вручается премия имени А. Со- лженицына.

В центре новой повести Р. «**Дочь Ивана, мать Ивана**» (Наш современник. 2003. № 11) образ сильной русской женщины — Тамары Ивановны Воротниковой, которая во- лею обстоятельств была вынуждена взять в руки отцовский обрез и застрелить насиль- ника своей несовершеннолетней дочери. Сам писатель рассказывал о работе над этим произведением: «С повестью я провозился долго. Начинал и бросал, снова начинал и снова бросал. Остановливал самосуд Тама- ры Ивановны, чем бы он ни вызывался, какой бы безысходностью ни подталкивался. Мож- но было допустить, что в сложившихся обсто- ятельствах (а обстоятельства эти черным по- логом облегли всю Россию) — не оказалось у нее другого выхода: на войне как на войне. Однако имеет ли право писатель на оправда- ние выстрела? Но и обойти этот случай как- ким-нибудь виртуозным ходом я не мог, это сразу перекрывало мне возможность гово- рить откровенно. Моя героиня и сама не мо- жет оправдывать себя, до конца жизни ей предстоят тяжелейшие нравственные муки, которые ни приговором, ни зоной среди та- ких же несчастных, не снимутся. Но еще страшнее и мучительнее была бы ее жизнь, если бы она позволила преступнику торжест- вовать победу и до последнего дыхания изде- ваться над ее правдой. Для нее это значило бы, что мир в своих нравственных и законо- полагающих основаниях перевернулся, и ни- кто не собирается устанавливать его на прежнее место. Подобные чувства испытывал и автор» (Российский писатель. 2004. № 3. С. 9)

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. / вступ. статья Н. Котенко. М., 1990; Соч.: в 2 т. М., 1997; Век живи — век люби: Рассказы и очерки. М., 1982; Слово о патри- отизме // Сибирь. 1988. № 6; Сибирь, Сибирь... М., 1991; Ближний свет издалека: О Сергии Радонежском // Север. 1992. № 5; В одном сибирском городе: Цикл рассказов // Роман-газ. 1995. № 17; Поминный день // Роман-газ. 1996. № 11; В ту же землю: Повесть. Рассказы. М., 2001; Дочь Ивана, мать Ивана: сб. Иркутск, 2004.

Лит.: В. Г. Распутин. Биобибл. указатель. Иркутск, 1986; Семенова С. Валентин Распутин. М., 1987; Котен- ко Н. Н. Валентин Распутин. М., 1988; Янов- ский Н. Н. Писатели Сибири. М., 1988; Золотус- ский И. П. В свете пожара. М., 1989; Бондаренко В. Гос- поди, поверь в нас... // Континент. 1992. № 70; Курба- тов В. Предчувствие // Наш современник. 1992. № 1; Быков Д. Слезный дар. Поздний Распутин // Лит. газ. 1998. 23 сент. С. 7; Тендитник Н. С. Валентин Распутин. Колокола тревоги. Очерк жизни и творчества. М., 1999;

Солженицын А. Слово при вручении премии А. Солженицына В. Распутину // Новый мир. 2000. № 5; Курбатов В. Слово о В. Распутине на вручении премии А. Солженицына // Русская провинция. Новгород. 2000. № 3; Большакова А. О вечно-девичьем в женской душе // Лит. учеба. 2002. № 1; Нива Ж. Валентин Распутин // Сибирь. 2002. № 1; Сухих И. Однажды была земля // Звезда. 2002. № 2; Старцев А. Русский писатель на краю русской земли // Москва. 2002. № 3; Колобаева Л. А. Распутин-рассказчик // Русская словесность. 2002. № 2; Лит.-критическая конференция по новой повести Валентина Распутина // Российский писатель. 2004. № 3. С. 1, 4–9; Курбатов В. Диагноз (О новом романе В. Распутина) // Лит. учеба. 2004. № 3; Беляков С. Живи в России // Урал. 2004. № 3; Чалмаев В. А. «Моления и молнии взаимная сила» // Лит. в школе. 2004. № 6; Кокшенева К. Границы судьбы // Москва. 2004. № 2; Быков Д. Зори над распутиями // Новый мир. 2004. № 4; Шахерова О. Н. Распутин в школе. М., 2004.

Т. М. Вахитова

РАФАЛОВИЧ Сергей Львович [17(29).8. 1875 — 15.XI.1943, Париж] — поэт, драматург.

Окончил историко-филол. ф-т Петербургского ун-та. Первая книга — «**Стихотворения**» (СПб., 1894). Вторую книгу «**Роёmes**» издал на французском яз. в Париже в 1900. За ней в Петербурге вышли: «**Весенний ключ**» (1901), «**Светлые песни**» (1905), «**Зеркало души**» (1914), «**Стихотворения**» (1913), «**Стихотворения**» (1916), «**Триолеты**» (Пг., 1916) и др. Автор сб. пьес «**Театр. Пять пьес**» (СПб., 1913). С 1909 постоянно жил в Париже и каждый год на не-

С. Л. Рафалович

сколько месяцев приезжал в Россию. Во время Гражданской войны жил на Кавказе: Цинандали, Баку, Батум, Тифлис. Редактировал с С. М. Городецким ж. «Орион» в Тифлисе. С 1922 поселился в Париже и жил там до самой кончины (только в 1923 в Берлине). Сотрудничал в ж. «Жар птица», «Студенческие годы», альм. «Москва» (Берлин) и др. Издал книги: «**Горящий круг. Поэмы**» (Берлин, 1923); «**Семи церквам: Пять поэм**» (Тифлис, 1919; Берлин, 1923); «**Зга**» (Берлин, 1923); «**Марк Антоний: трагедия**» (Берлин, 1923), «**Август: стихотворения**» (Берлин, 1924), «**Симон Волхв: поэма**» (Тифлис, 1919; Париж, 1926), «**Терпкие будни: стихотворения**» (Берлин, 1926). 19 янв. 1927 в газ. «Руль» появился отзыв В. Набокова (Сирина) о сб. «Терпкие будни» и «Симон Волхв»; «Недостатком творчества Сергея Рафаловича, — писал критик, — нужно признать и склонность к тем общим идеям, которые спокон веков встречаются в стихах, не становясь от этого ни более верными, ни менее ветхими. Сравнить город с „разодетой проституткой“, утверждать, что люди — это маски, что земля „тупо вертится“, что любовь — „сладчайший и мучительный грех“, все это — дешевый поэтический пессимизм и в смысле творческом — линия наименьшего сопротивления. Зато там и сям меж двух вялых строк встречается у Рафаловича подлинно прекрасный стих» (Набоков В. Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе. Интервью. Рецензии. М., 1989. С. 345).

Лит.: Бахрах А. Рец.: Зга // Дни. 1923. 27 мая; Зноско-Боровский Е. Рец.: Август // Воля России. 1924. № 16/17; Мочульский К. Рец.: Август // Временник общества друзей русской книги. 1925. № 1; Мочульский К. Рец.: Терпкие будни // Звено. 1927. 30 янв. Львов Л. Рец.: Терпкие будни // РМ. 1927. № 1.

В. П. Нечаев

РАФАЛЬСКИЙ Сергей Милич [19(31).8. 1896, с. Холонево Волинской губ.— 3.11. 1981, Париж] — поэт, прозаик, политический публицист.

Родился в семье священника и в канун Первой мировой войны окончил гимназию в г. Остроге (Польша). Поступил на юридический ф-т Петербургского ун-та, весной 1917 перевелся в ун-т. св. Владимира (Киев). Однако грозные события не дали продолжить учебу. В мемуарах, вышедших после его смерти «**Что было и чего не было**» (Лондон, 1984), он описал страшные дни, пережитые им перед эмиграцией. «Почему наш народ так позволил коверкать свою душу?